

РАЗГОВОР О ВАЖНОМ

Научная статья
УДК 001(091)(47).08
DOI: 10.46724/NOOS.2023.2.12-37

Г. С. Смирнов

ЖИЗНЬ И ЖИТИЕ АКАДЕМИКА В. И. ВЕРНАДСКОГО: К НООСФЕРНОМУ ВИДЕНИЮ МИРА

Аннотация. В статье, посвященной 160-летию со дня рождения академика В. И. Вернадского, рассказывается об основных вехах жизни российского и советского ученого и общественного деятеля. Раскрыто значение академика Вернадского как «Ломоносова XX века» истории российской и мировой науки. Представлен вариант изложения биографии отечественного мыслителя в интерпретационных рамках индивидуальной экзистенциально-ноосферной истории. Выделены основные события жизни ученого, которые определили его ноосферное мировоззрение. Автором использована широко распространенная в русской литературе житийная традиция описания истории жизни человека, показано, что биография представляет собой синергичный процесс с его неожиданными флуктуациями, точками бифуркации и «странными аттракторами», которые неожиданно меняли жизненный путь человека, но вели к ноосферному видению мира.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, ноосферная история, интеллигентоведение, ноосферное видение мира, экзистенциальная нообиография, ноосфера Вернадского

Ссылка для цитирования: Смирнов Г. С. Жизнь и житие академика В. И. Вернадского: к ноосферному видению мира // Ноосферные исследования. 2023. Вып. 1. С. 12—37.

Original article

G. S. Smirnov

LIFE AND LIVING OF ACADEMICIAN V. I. VERNADSKY: TOWARD THE NOOSPHERIC VISION OF THE WORLD

Abstract. The article dedicated to the 160th anniversary of the birth of Academician V. I. Vernadsky tells about the main milestones in the life of the Russian and Soviet scientist and public figure. The significance of Vernadsky as “Lomonosov of the XX century” of the history of Russian and world science is revealed. A version of the presentation of Vernadsky’s biography in the interpretive framework of individual existential-noospheric history is presented. The main events of the scientist’s life, which determined his noospheric worldview, are highlighted. The author used the hagiographic tradition of describing the history of a person’s life, which is widespread in Russian literature, and shows that biography is a synergistic process with its unexpected fluctuations, bifurcation points and “strange attractors” that unexpectedly changed a person’s life path, but led to a noospheric vision of the world.

Keywords: V. I. Vernadsky, noospheric history, intellectual studies, noospheric vision of the world, existential noobiography, Vernadsky’s noosphere

Citation Link: Smirnov G. S. (2023) Life and living of academician V. I. Vernadsky: toward a noospheric vision of the world, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 12—37.

Более чем неблагоприятная работа — рассказывать о картине: ее надо просто смотреть, созерцать, чувствовать и размышлять над ней. Так же и с биографией выдающегося человека — о ней невозможно рассказать, надо просто пройти вместе с человеком его жизнь, прочитать раскрытую «книгу жизни». Для этого надо прочитать его дневники, его письма, его статьи и книги, только тогда облик Человека станет ликом, а не личиной, встанет во весь рост.

Личность В. И. Вернадского не обойдена вниманием биографов: уже в начале 1960-х годов в серии «Жизнь замечательных людей» вышла первая биографическая книга о В. И. Вернадском [Гумилевский, 1961], а позднее и книги для школьников [Корсунская, Верзилин, 1975, 1982]. В 1970-е годы трудами И. И. Мочалова биография В. И. Вернадского пополняется материалами из личного фонда ученого [Мочалов, 1970]. В конце 1970-х годов всеобщее внимание к творчеству В. И. Вернадского приковал Р. К. Баландин [Баландин, 1979]: автор совмещает точное изложение факта, художественность текста с умением дать неожиданную экстраполяцию, совершить резкий поворот от простого к сложному, от явления к сущности, парадоксально завершить мысль¹.

К 120-летию со дня рождения В. И. Вернадского вышла академическая биография ученого, написанная И. И. Мочаловым [Мочалов, 1982]. Этот научный труд даже спустя десятилетия является источником для углубленного знакомства с творчеством, жизнью и деятельностью ученого, содержит большой список литературы, перечень основных вех его жизни. Подготовка к 120-летию В. И. Вернадского создала условия для своеобразного взрыва интереса к творчеству отечественного мыслителя. Выходят биографические книги и статьи об ученом, проводятся многочисленные конференции, публикуются научные статьи (см.: [Вернадский и современность, 1986]).

К 125-летию В. И. Вернадского появляется книга [Прометей, 1988], которая совершает своеобразный «переворот» в биографической традиции: «живая биография» включает в себя биографию, письма, очерки, воспоминания, статьи и т. д., сопровождаемые большим количеством фотографий. В ней И. И. Мочалов (научный редактор книги) словно передает «эстафетную палочку» Г. П. Аксенову (составителю книги). Появляется альбом, посвященный В. И. Вернадскому [Вернадский, 1988], содержательно и визуально положивший начало целой серии будущих фильмов о жизни и творчестве академика и мыслителя.

1990-е годы стали плодотворным периодом для осмысления творчества и жизни В. И. Вернадского: в это время выходят в различных периодических изданиях дневниковые записи ученого разных лет, его публицистические произведения, не публиковавшиеся ранее, письма к родственникам и друзьям.

Одним из важных биобиблиографических изданий этого времени стала книга [Владимир Иванович Вернадский, 1992] из серии «Материалы к биобиблиографии ученых», в которой представлены «Основные даты жизни и деятельности академика В. И. Вернадского», «Краткий очерк научной, педагогической и научно-организационной деятельности», «Хронологический указатель трудов», «Литература о жизни и трудах В. И. Вернадского». В этом же издании

¹ Монографии о В. И. Вернадском, вышедшие из-под пера Р. К. Баландина [Баландин, 1979, 1983, 1987, 2006, 2013], имели большое значение для знакомства широкой общественности (включая и школьников) с жизнью и творчеством ученого-энциклопедиста и вошли в золотой фонд вернадоведения.

в «Приложениях» дан обзор содержания томов «Библиотеки трудов академика В. И. Вернадского» (в 17 томах) — второго собрания сочинений ученого².

Особая страница в жизнеописании академика В. И. Вернадского связана с творчеством Г. П. Аксенова. К 130-летию ученого выходит «синтетическая биографическая книга» [Владимир Вернадский, 1993], в которой труды ученого представлены на фоне дневниковых записей, писем, воспоминаний современников. В 1994 году появилась биографическая книга, которая по сути дела показала метаисторическую сторону космической жизни В. И. Вернадского [Аксенов, 1994]. Г. П. Аксенов, опираясь на вновь открывшуюся источниковую базу, используя возможности свободного осмысления жизненных фактов, дал возможность читателю окунуться в самые тонкие, почти невидимые пласты исторической реальности космической жизни человека³. Оригинальная попытка «объять необъятное» представлена в книге «Три биографии Владимира Вернадского»: «...мы излагаем не столько биографию великого ученого, сколько представляем три ипостаси жизни великой личности; Вернадский как личность, как человек в жизни (фиолетовые страницы), как ученый (зеленые страницы), как великий гражданин (оранжевые страницы)» [Аксенов, 2014: 8].

Опираясь на проделанные биографами В. И. Вернадского всесторонние исследования, попробуем коснуться тех сторон жизни и жития, быта и бытия В. И. Вернадского, которые, с нашей точки зрения, наиболее полно и ясно говорят о масштабах ноосферной личности русского мыслителя⁴.

В традициях биографической литературы существуют, по крайней мере, два подхода. Первый связан с тем, что Личность в биографии чаще всего подается как последовательная история жизни. Есть и другая традиция жизнеописания, она берет свое начало из житийной литературы и проверена веками. В ее глубинной основе — осмысление места человека в метаистории, в истории Духа, в истории космоса, в истории Вселенной. Форма жития, берущая начало в седой древности, — это рассказ о быте и бытии, жизни и житии, лике и облике, о существовании человека в Культуре, Природе и Боге.

Исследования биографов В. И. Вернадского позволяют сделать вывод о том, что ученый не просто создатель теорий и учений, он — пример того редкого (и в то же время очень частого) проявления, которое можно было бы обозначить как «естественное, неразделимое бытие в Биосфере, бытие в Природе, бытие в Универсуме». Тщательное освоение биографии В. И. Вернадского позволяет проникнуть в действительный храм бытия — когда нет «вынужденности» человека из Мира, когда в течение более чем 80 лет «многотысячелетней жизни ученого» постепенно усложнялось Древо Мира, которое есть прообраз Человека. «Человек-Мир» соединен с Миром Человека неразделимостью *жизни*, феноменом, в котором даже обозначение словом и первой буквой «Ж» задается смысл

² В 2013 году вышел 24-й том Собрания сочинений В. И. Вернадского.

³ Эта книга оказалась востребованной и вышла несколькими изданиями [Аксенов 2001].

⁴ Биографический жанр синкретичен: каждый автор находит в нем свое собственное, созвучное его опыту пережитого, его знаниям, а значит, полнота жизнеописания обеспечивается только спецификой восприятия множества пишущих о том или ином мыслителе — так создается некий биографический Универсум, своеобразная целостность личности в континуальной, полной, «большой» культуре [В. И. Вернадский: PRO ET CONTRA, 2000; Яковлев, 2005; Соснина, 2012; Наумов, 2016].

соединенности правого и левого, верха и низа, земного и космического, схождения и расхождения.

Термины «быт» и «бытие» происходят от слова «быть», точнее, это разные фиксации того, что в русском языке называется словом «быть»: именно так — мгновенно — совершается переход от быта к бытию и обратно. Если попытаться построить цепочку терминов по степени их восхождения, то мы получим «быт — жизнь — житие — бытие». В русской традиции формула «житие-бытие» («житьё-бытьё») предполагает, что понятия «житие» и «бытие» не только неразрывны, но и несимметричны — герменевтический круг «житие рождает бытие, а бытие рождает житие» представляется «герметическим кругом», в котором каждый новый этап открывает новые тайны.

Термин «бытие» приобрел стойкое философское значение и, кажется, навсегда потерял свое истинное призвание обозначать всюду вечное бытование бытийственности. Бытие В. И. Вернадского — это не только экзистенциальное и научное бытие, но и, прежде всего, бытие в культуре, бытие в ноосфере, актуальное пребывание в ноосферной духовной реальности.

Житийная традиция позволяет раскрыть семейный, национальный, этнический аспекты жизни, подойти к самому трудному — превратить биографию в рассказ о бытии человека в Универсуме (везде-вечности Вселенского Человека). Ближе всех к житийной биографии ученого подошел Г. П. Аксенов. В его книге в художественной форме предстают такие сюжеты, о которых трудно было даже помыслить в 1970-е годы. Один из самых интересных моментов в этом плане — «видение» во время тяжелой болезни тифом В. И. Вернадского в 1920 году (см.: [Аксенов, 2001: 243—253]. «Сны» о великолепных лабораториях по изучению живого вещества, разместившихся в прекрасных корпусах на берегу Атлантического океана», совместились с реальностью гражданской войны и мужественным нежеланием покинуть родину даже ради самых блистательных научных задумок [там же: 263—264].

Вышеприведенный (очень неполный) обзор биографической литературы о В. И. Вернадском позволяет сделать вывод о том, что биографы проделали значительный путь: акцент на Вернадском как на «эмпирическом объекте» сменился глубоким освещением сложных субъектных и субъективных сторон его личности. Обращение к личности как к субъекту требует иного подхода — культурологического, социокультурного анализа, ибо именно он позволяет во всю ширь развернуть диалектику единичного, особенного и всеобщего в универсумных формах человеческого бытия.

Культурологический подход к биографии В. И. Вернадского позволяет найти соотношение личности и национальной культуры, начертить значимые кросскультурные связи, обозначить масштабность включенности в мировую культуру. Чем точнее будет использован данный подход, тем полнее будет выявлена неразделимость культуры и личности, в том смысле, что и личность, и культура имеют ярко выраженный ноосферно-универсумный контекст и подтекст. Развертывание тезиса о том, что В. И. Вернадский на протяжении своей социальной и научной жизни постепенно строил модель ноосферного видения мира, формировал ноосферное мировоззрение и создал образ человека Ноосферы, на наш взгляд, — главная задача бытийно-житийной биографии российского мыслителя.

В жизни ученого было много поворотных точек, много развилок: жизнь великого человека заставляет поразмышлять об абсолютных архетипах. Жизнь

В. И. Вернадского — это огромное Мировое Древо, в котором совмещены одновременно и прямая и обратная перспектива бытия, зримо присутствуют метаморфозы пространства и времени. Чем дальше от единого истока, тем больше развилок, больше сомнений, чем больше ветвей, тем больше листьев. Чем человек более рационален, тем более он иррационален, чем более он обретает себя в земных сферах, тем естественнее он ощущает себя в сферах не дольного, но горнего мира. Такие парадоксальные выводы в полной мере подтверждаются жизнью В. И. Вернадского. В. И. Вернадский — *биосферист*, и его жизнь кодируется и «передается» и кристалло-минералогическими, и флоро-фаунистическими символами.

Для понимания сущности жизни Вернадского обратимся к одному примеру из жизнеописаний русских святых, их отношения к животному миру. Для жития Сергия Радонежского очень значимы «кормление медведя» (и это не просто факт, а значимый природно-языческий символ), «явление птиц Сергию» — все это *значимые, видимые феномены* нарабатывавшихся в русской культуре способов бытия в Универсуме. Жить со всем Миром, видеть весь Мир — это культурная форма наследуется русским человеком из глубины древности, а тончайшие нити «культурных токов» («культурных биогеохимических токов» как, может быть, сказал бы В. И. Вернадский), берущих начало в природно-языческих мироинтериоризациях, обнаруживаются в творчестве многих великих космистов, в том числе в планетарном феномене В. И. Вернадского.

Полнота соотнесения личности Вернадского в ее многообразных трансформациях, вызванных разломами времени и духовными протуберанцами, с собственной личностью читателя — очень трудная, даже невыполнимая задача. Однако эта программа максимум для читателя все-таки существует, а предполагаемое осмысление жизни любого человека не может быть связано с термином «однозначно», скорее, это один из возможных вариантов, образец для подражания, способ самостоятельного прочтения жизни ученого-энциклопедиста.

От биографии к ноографии жизни. «Жизнь и житие», «быт и бытие» — всеобщие измерения существования человека. Извечные законы биографического жанра всегда дополняются непреодолимым желанием автора выйти за рамки заданного и принятого, стремлением к полноте видения исторической личности, вобравшей в себя целые эпохи. История всегда неизбежно дополняется метаисторией, а значит, за каждым, пусть самым малым фактом биографии, всегда стоит пласт «иных возможных миров» и хороший, тонкий биограф никогда не пройдет мимо таких моментов жизни. За традициями «жизни замечательных людей» встают синкретические жизнеописания. Вживание в образ приводит к новой ступени постижения личности: от жизни совершается переход к житию — онтологическим формам фиксации жизни в культуре. Если жизнь — «вещь в себе» («вещь-сама-по-себе»), то житие — «вещь для нас», объективация, имеющая конкретный ценностный, философский, подчас персоналистический и даже мистический и инфернальный контекст. Подобный переход, как показывает опыт литературно-художественных биографий, дается огромным трудом многих биографов⁵.

⁵ Такова, например, метаисторическая биография А. Блока, сотворенная русским визионером Д. Л. Андреевым

Писанная биография — это не просто описание жизни, это «со-житие» (т. е. соборное житие): лишь тогда совершается момент сопереживания, который в биографическом творчестве является чуть ли не главным, только тогда и проявляется таинство постижения смысла, а подчас и «пере-осмысления» феномена универсальной природы, которым является жизнь любого человека. Термин «житие» в применении к религиозной традиции хорошо известен по житиям святых отцов и великих страстотерпцев Земли русской [Жизнеописания, 1991], но житийные биографии [Памятники литературы..., 1988] могут носить не только религиозный, но и экзистенциально-мировоззренческий характер [Бычков, 1991]⁶.

Жизнь Владимира Вернадского житийна, и поэтому, опираясь на богатый отечественный опыт биографических исследований, попробуем выделить основные эпизоды становления отечественного мыслителя как ноосферного человека. Среди них в «ноографии» вполне могли бы оказаться:

1. «Рождение ноосферного человека» (сотворение феномена из духа эпохи и содержания культуры).

2. «Встреча с дядей Евграфом» (обретение главных архетипов бытия и мифокультуры из детской со-бытийности).

3. «Поступление во учение» (влияние Петербургского университета на творческий путь В. И. Вернадского).

4. «Знамение «Млечный путь» (земное породнение с космосом и Вселенной).

5. «Братство» (общение в кругу самых близких друзей на протяжении всей жизни).

6. «История родовой полноты» (встреча с Н. Е. Старицкой).

7. «Отречение от собственности» (факт, который дает возможность понять личностную диалектику соотношения материальных и духовных ценностей).

8. «Мировое странничество» (путешествия по России и всему миру, познание Земли и ее окружения).

9. «Труды и дни: от живого вещества к биосфере» (создание учения о живом веществе и биосфере).

10. «Страсти по свободе, человечности и разумности» (хождение по хронотопам революционной России).

11. «Свидание с будущим» («Видение здания института живого вещества» — пик «виртуального» бытия ученого, определивший всю его последующую научную деятельность и мировую славу).

12. «Поиски вселенских смыслов сознания» (Крымская лекция о роли сознания в истории человечества).

13. «Российский выбор» (В. И. Вернадский остался жить и работать в России, что заставляет переосмыслить все предшествующее и еще в большей степени последующее в жизни русского мыслителя).

⁶ Образы духовного становления и развития в традициях житийной иконы предстают в хронотопах клейм иконы (их число может меняться от одного до двух десятков). Оказывается, что двух десятков сюжетов, фактов жизни вполне достаточно, чтобы показать масштабы и интенциональность личности. Архетип житийной иконы применительно к биографическому описанию дополняется «лествической иконой», в которой, как, например, в иконе «Видение Иоанну Лествичнику» обнаруживается горнее стремление, стремление вверх, всегда сопровождающееся великими искушениями духа, а значит, видениями, знамениями, чудесами.

14. «Учение о переходе биосферы в ноосферу» (создание теоретических основ этого учения — подвиг не только научный, но мировоззренческий, ибо так он оставил духовное наследие потомкам, создав в результате «вернадскианской революции» новую науку и открыв новое — биосферно-ноосферное видение мира).

15. «Написание «Книги жизни» и «Откровение ноосферы» (как продолжение «Книги жизни» В. И. Вернадский написал последнюю свою статью «Несколько слов о ноосфере», которая может быть рассмотрена как завещание российского мыслителя, мудрое проявление его животворящей воли и «разумного (ноосферного) оптимизма»).

16. «Земная слава» (образ В. И. Вернадского прошел проверку временем и через полтора столетия возвратился к гражданам мира во всей его масштабности и устремленности к высоким идеалам «свободы, альтруизма, истины и сомнения», гуманистическим и ноосферным ценностям).

17. «Синклит России» (так, по Д. Л. Андрееву, можно обозначить самую невидимую форму — уже неземного — бытия мыслителя, его следа в отечественной и мировой культуре).

Все выделенные выше эпизоды жизни Вернадского не столько хронологичны, сколько типологичны, — это своего рода «абсолютные предпочтения», сквозные черты характера и откровения личностного бытия⁷.

1. «Рождение ноосферного человека». В. И. Вернадский считал, что человек — явление не только земное, но и космическое. В личности человека сконцентрированы силы, которые своими корнями уходят в антропокультурные, планетарные, космические слои. Рождение В. И. Вернадского обозначило, как видно уже из XXI века, возникновение феномена ноосферы. Такой взгляд позволяет неожиданно по-другому решить вопрос о возникновении ноосферы. Не возникает ли ноосфера тогда, когда человек понимает, что она есть, когда рождается «индивидуальная ноосфера» с тем набором признаков, которые не только задаются, но и отчасти имеются.

Когда создаются духовно-материальные условия для рождения человека, осознающего особенности современного ему бытия, тогда и можно говорить о том, что поскольку человек (ученый, мыслитель) сделал вывод, то фактически сложился тот феномен, который оказался случайно (или не случайно) осмысленным.

Более того, конкретно-философская истина требует, чтобы всеобщая абстрактность термина не заслоняла глубинный смысл личностного содержания понятия. Вряд ли имеет смысл «спорить о ноосфере». Вообще, более точная и более сложная задача состоит в том, чтобы уяснить, что есть «ноосфера Вернадского».

В. И. Вернадский — человек не XX, а XXI века, человек III тысячелетия в той самой мере, в которой любой гений представляет собой человеческую форму, опережающую свое время и далеко заглядывающую вперед в будущее. Гений — это феномен везде-вечности. И до В. И. Вернадского рождались люди, осмысливавшие свое бытие в контексте культурно-вселенского масштаба. Но

⁷ Можно было бы найти другие эпизоды или расставить уже отмеченные в другом порядке (ибо у каждого свой жизненный опыт), но будем считать, что это первое приближение к истине, прикосновение к Универсуму.

ощущение Вселенскости человеческого бытия никогда до Вернадского не достигало такой полноты научного видения мира. Смысл рождения В. И. Вернадского как человека ноосферы состоит в том, что он переосмыслил из контекста российской (евразийской и всечеловеческой) культуры единство научного, философского, религиозного и художественного. Понимание конкретной содержательности именно такого мироощущения и мировоззрения — задача, встающая перед сегодняшним поколением россиян. Вхождение в феномен В. И. Вернадского тем значительнее для современников, что он один из тех, кто собственным примером показал преемственность российской культуры XIX—XX веков. Он не остался вне наблюдения за советской культурой, старался понять, найти не только отрицательное, но и положительное. «Ноосфера Вернадского» не только личностна, но и культурно национальна (хотя, может быть, правильнее сказать межкультурно интернациональна). В своем этнокультурном выражении она и имеет всеобщечеловеческое, общезначимое содержание.

Такая постановка вопроса не есть уход от проблемы, а, наоборот, уточнение проблемного поля самоидентификации «ноосферного бытия-сознания» В. И. Вернадского. Познание общего и особенного через единичное — может быть самое полное откровение, самая конкретная истина.

Рождение ноосферного человека, появление феномена ноосферной личности в культуре — это знаковые события, которые показывают рост культуры вообще, геолого-эволюционное развитие культуры. Феномен ноосферной личности позволяет понять развитие человека как Вселенского существа, может быть, с этого момента человек не просто интуитивно осознает себя как человека религиозного (наполняющего своим осознанным сознанием мир, порожденный Богом), но и научно понимает свое бытие как бытие Вселенское.

Может быть, главное открытие В. И. Вернадского заключается в том, что он перевел на уровень научного мировоззрения понимание местобития человека в космопланетарном масштабе: то, что раньше рассматривали как откровение, религиозное отношение (форму сознания религиозно-соединенности), теперь оказалось эмпирическим обобщением. Ноосферно-универсумное (Вселенско-ноосферное) бытие человека приобрело характер доказанной полноты, а значит, научный статус. После В. И. Вернадского человек уже не может себе сказать, что он существо не Вселенское — это будет элемент варварства, т. е. расхождения с научной истиной, которая прошла процедуры верификации и фальсификации и стала эмпирическим обобщением.

Проблема формирования эмпирического обобщения в гуманитарном знании — не такая простая. Может сложиться впечатление, что оно вообще невозможно, однако всегда можно задать условия, при которых оказывается возможным сформулировать гуманитарное эмпирическое обобщение. Например, «человек — разумный» — это полноформатное эмпирическое обобщение. Более того, превращение закона в императив («Разумный человек должен стать человеком ноосферным») показывает специфику гуманитарного эмпирического обобщения — оно имеет не только индуктивный, но и дедуктивный характер, когда единичность нового качества задает неизбежность нового качества Единого.

Рождение В. И. Вернадского как ноосферного человека произошло на границах культур. Только человек, стоящий на границах множества культур и миров, а также религиозного, научного, философского, художественного миропониманий, понимает, насколько непросто строится вселенское единое.

Чем взрослее становится В. И. Вернадский, тем более обнаруживается бесконечность по-граничностей, в рамках которых он творит, а полнота доказательности ноосферной состоятельности как раз и заключается в том, что чем больше обнаруживается и обозначается культурных, социальных, экологических и природных (противоречий) границ, тем масштабнее и межпредметнее вырастает феномен ноосферы как Единого.

2. «Встреча с дядей Евграфом». В детстве каждого человека имеет место событие, которое можно назвать «сакральная встреча». Как будто судьба дарит ребенку некое откровение, которое будет сопровождать его всю жизнь и значение которого становится ясным лишь значительно позже, а иногда этот факт так и остается в подсознании, не осознается, не выходит на поверхность бытия. Самым ярким примером такого рода предзнаменования является встреча отрока Варфоломея (будущего Сергия Радонежского) со старцем (этот сюжет отражен художником М. Н. Нестеровым в картине «Видение отроку Варфоломею»). Сакральность — тайно-мистический характер подобной встречи описана А. С. Пушкиным в стихотворении «Пророк». В этот момент человеку открывается способность понимания мира, умение видеть невидимое, узреть незримое — человек приобщается к великим тайнам мира, многие из которых даже при всей его гениальности он выразить не в состоянии, но если они и выражаются, то очень часто это откровение остается лишь для него, и чаще всего не может быть открыто читающим, но не узревающим сердцем читателем. Для постижения истины читающий должен сам оказаться посвященным: «И их наполнил шум и звон: и внял я неба содроганье, и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье».

Для В. И. Вернадского (как и для А. С. Пушкина) такое открытие для себя Универсума бытия состоялось: «В детские годы большое влияние на умственное развитие Володи оказал двоюродный брат отца, оригинальный, образованный человек, Евграф Максимович Короленко...» [Мочалов, 1982, с. 29]. «Никогда не забуду я того влияния и того значения, — пишет В. И. Вернадский, — какое имел на меня этот старик в первые годы моей умственной жизни. И мне иногда кажется, что не только за себя, но и за него я должен работать, что не только моя, но и его жизнь останется даром прожитой, если я ничего не сделаю. Вспоминаются мне темные, зимние, звездные вечера. Перед сном он любил гулять, и я, когда мог, всегда ходил с ним. Я любил всегда небо, звезды, особенно Млечный путь поражал меня, и в эти вечера я любил слушать, когда он мне рассказывал, я долго после не мог успокоиться...

В моей фантазии бродили кометы через бесконечное мировое пространство; падающие звезды оживлялись; я не мирился с безжизненностью Луны и населял ее целым роем существ, созданных моим воображением. Такое огромное влияние имели эти простые рассказы на меня, что мне кажется, что и ныне я не свободен от них» [Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской, 1988: 32].

«Несомненно, — пишет И. И. Мочалов, — дядя В. И. Вернадского и отец были людьми незаурядными, оба они оказали благотворное влияние на умственное развитие Володи. Каждый по своему характеру, складу ума был несколько односторонен. И. В. Вернадский олицетворял собой характер педантичный, целеустремленный и волевой, ум систематический и строгий. Е. М. Короленко, напротив, был человеком легко увлекающимся, разбросанным, его характеру была чужда сухая систематичность, а голова была переполнена различными

идеями и гипотезами, нередко фантастическими и друг другу противоречащими... Не случайно для уже сложившегося, зрелого стиля научного творчества Вернадского было столь характерно гармоническое сочетание скрупулезности и систематичности научного анализа фактов, с одной стороны, и “фантастической” смелости мышления с другой» [Мочалов, 1982: 30].

Чтобы лучше понять архетипический характер воздействия Е. М. Короленко на В. И. Вернадского, обратимся к «апокрифическим» сочинениям Р. К. Баландина: «“Мысль немислима без материи, материя немислима без мысли”. Такие афоризмы приобретали в глазах Евграфа Максимовича силу закона природы...» [Баландин, 1979: 14]. Самый сильный архетип понимания мира, выраженный мыслью Е. М. Короленко «Земля есть живой организм» [там же: 15], Р. К. Баландин передает в следующем диалоге: «Но мы не падающие звездочки. Мы принадлежим всем этим звездным мирам, составляем с ними единое целое. В этой вечности есть одна лишь абсолютная жизнь и нет абсолютной смерти...

Быть может, ты усомнишься? Что ж, я поясню... Человек есть колония клеточек — так говорит естествоиспытатель. Микроскопические клеточки, сочетаясь, составляют разумное существо, управляющее не только собою, но и отчасти, судьбами мира, которого оно составляет лишь часть... А теперь обратимся вновь к звездам. Эти едва заметные бесчисленные точки — отдельные миры. Каждое солнце с его планетами плавает в страшно глубоких пространствах, их отделяющих. И все эти мириады точек, сочетаясь вместе, составляют органическое целое, разум которого настолько выше разума каждого мира, насколько разум человека выше разума клеточки. Такой высший разум управляет мирами, т. е. частями самого себя. Эта звездная величественная бездна пространства есть органическое разумное целое, сложившееся в беспредельности времени!» [Баландин, 1987: 17].

В этих словах, несмотря на простоту аналогии, может быть, даже аллегоричность, можно усмотреть самое точное выражение сути бытия человека во Вселенной, места человека в ней. Говоря о Е. М. Короленко, нельзя не вспомнить о великом (и первом русском) философе Григории Сковороде, чьи религиозно-философские построения проникнуты аурой украинского духа, неразрывного с украинской природой — самой живой, самой одушевленной, самой чувственной природой Великой России. Мир открылся через текст, а текст открылся через мир: таков закон понимания. Встреча с дядей Евграфом позволила открыть тайны написанного, способ понимания «вживую», что позднее позволит сбрасывать печати с написанного текста: так позднее открылись В. И. Вернадскому и «Космология» А. Путьяты, и «Космос» Ал. Гумбольдта.

3. «Поступление в учение». Университет — это всегда цельное знание, знание об Универсуме. Человек изучает сам себя, но он изучает и мир, и этот мир не может (и не должен) быть разорван на части, точно так же как не может быть разорван человек.

Поступление в учение — это не только окно в мир, но и дверь, открывающая человеку путь в мир. Поступление в учение — это погружение в Универсум. Санкт-Петербургский университет заложит научно-академические основания творчества В. И. Вернадского. Наука о мире как едином целом (будущем прообразе ноосферы — пока еще без названия «ноосфера») закладывалась такими личностями, как В. В. Докучаев, Д. И. Менделеев, Н. А. Умов.

Университетские пенаты — это название в полной мере отвечает той значимости Санкт-Петербургского университета в дальнейшем научном и философском творчестве В. И. Вернадского. Может быть, Петербургский университет сделал для научного видения мира Вернадским столь же много, сколь Московский университет для проникновения ученого в тайны русского философствования⁸.

Тайны постижения Универсума не раскрываются сразу; последовательно, от одной ступени до другой, идет раскрытие для человека Универсальности Универсума — его Всеобще-Соборности. Университет — лишь первая, но самая главная ступень, ибо, не пройдя ее, нельзя подняться на другие, более высокие. Университетские годы — это своего рода форматирование сознания, умение правильно воспринимать мир. Университетская среда обитания — пространство Универсального знания, свернутого в его личностных носителях, — профессуре. Университетское знание фактически находится в двух состояниях: первое — развернутое (в лекциях, семинарах, практических занятиях), а посему видимое и оказывающее внешнее воздействие; второе — свернутое в личности, оно не императивно, более того, оно в силу своей сакральности (личностной универсальности) незаметно, но ярко проявляет себя тогда, когда в рамках Университета формируется соборное отношение личностных (свернутых) универсумов. Аура университета — это самое незаметное, но и самое мощно действующее мировоззренческое воздействие.

Есть еще одна сторона собирательной универсальности Университета — это форма обратной связи, идущая от учащегося. Таким образом, университет оказывается не образовательным механизмом, а сложнейшей самоорганизующейся системой. Университет — это самообразующийся образовательный организм.

Это тем более важно, что современные проблемы ноосферного образования требуют обращения к тому богатейшему опыту вызревания ноосферного мировоззрения, который можно обнаружить в жизни и творчестве В. И. Вернадского. Таврический университет, ректором которого некоторое время был В. И. Вернадский, — яркое свидетельство попыток ученого задать новое направление в образовании. Доказательством тому служит и то, что именно в 1920 году В. И. Вернадский читает лекцию о роли сознания и воли в развитии человечества.

4. «Знамение “Млечный Путь”». В 1885 году В. И. Вернадский проводит каникулы на Полтавщине. Именно к этому времени относится замечательный отрывок его воспоминаний: «Никогда раньше не случилось мне заметить то, совсем особое отражение, какое дает Млечный Путь. Теперь, сидя ночью на пароходе на Днестре, в Кременчуге, я впервые видел это. Это совсем какой-то особый отблеск, точно мерцание фосфорического слабо опалесцирующего тела, притом какой-то неправильной полосой расплывающийся в стороны, скользящий по водной поверхности. Там, где была вершина валика зыби, она там исчезает совершенно, а когда вершина волны проходила через это место, она вновь появлялась с тем же своим блеском, туманным, неясным, точно тонкая пленка беловатого дыма волною двигалась по воде, упорно следуя одному и тому же раз

⁸ Каждый университет имеет свое лицо, и позднее В. И. Вернадский побывает и в Москве (где проработает в Московском университете двадцать лет), и в Таврическом, и в Пражском университетах, и в Сорбонне.

выбранному пути» [В. И. Вернадский. Альбом, 1988: 48]. В 1880 году А. Куинджи была написана знаменитая картина «Лунная ночь на Днепре», поразившая петербургское общество. Здесь, очевидно, обретает свое начало «космическое сознание» В. И. Вернадского. Так рано или поздно рождается для каждого человека «вселенское чувство», описанное в одноименной книге И. И. Лапшина [Лапшин, 1911].

5. «Братство — исходная ячейка восхождения к духовности». Самой характерной чертой русской культуры является ее соборность, не исчезающая в самые трудные для России времена. Это качество соборности-универсальности иногда трансформировалось до неузнаваемости — соборность превращалась в коллективность, а значит, до известной степени в одномыслие, конформизм, примитивное равенство, приспособленчество и соглашательство, которые в конечном итоге вели к апатии и безразличию. Соборность обретала себя в разных формах: братство — одна из существенных и самых русских по духу и букве (по содержанию, и по сути).

Братство, в которое входил В. И. Вернадский, берет начало в студенческие годы (с 1884 года). Даже многие годы спустя друзья по «братству», сохранили дружеские связи между собой, как бы реализовывая коллективный потенциал в самых различных сферах профессиональной работы: Федор Ольденбург уехал в провинцию учителем и посвятил себя народному образованию, земским деятелем стал Дмитрий Шаховской, заведовавший народными училищами в Весьегонском уезде Тверской губернии, Сергей Ольденбург выбрал специальностью востоковедение, И. М. Гревс и А. А. Корнилов стали историками» [В. И. Вернадский. Альбом, 1988: 52]. Братство сохранялось на протяжении долгих десятилетий — оно давало его членам ощущение полноты духовной жизни и формировало адекватность восприятия мира.

6. «История родовой полноты». Колоссальный взрыв российской культуры в начале XX века потребовал от общества интенсивного духовного синтеза, последствия которого в условиях наступления эпохи социальных катастроф оказались совсем не теми, на которые рассчитывали творцы российского синтеза. Потенциальный культурный синтез обернулся распадом, дифференциацией, дезинтеграцией. Тем не менее, взбегая по ступеням философских высот культуры, русская культура преодолела гегельянство, марксизм и подошла к тонкостям лейбнизианской, кантианской, бергсоннианской философии. Стремление российской многонациональной культуры к абсолютной полноте, к всеохватности, к всеединству, т. е. действительное стремление к Универсуму оказалось столь стремительным, что фактически элитная российская культура стала не нужной для большинства народа. Стремление к равенству в духе стало причиной стремительного движения к равенству в материальной сфере жизни. Жизнь Вернадского пришлось на это время великого соблазна. Выйти из него, не утратив культурный потенциал нации, как оказалось, было возможным лишь в культурных формах семейного быта. Есть и еще одна существенно важная сторона движения личности ученого и мыслителя к личностному вселенскому универсуму: экзистенциально-персоналистический аспект вхождения в Универсум неразрывно связан с целостностью дуального бытия — сотворением родового и семейного единства. Встреча с Н. Е. Старицкой и последующая женитьба для дальнейшего научного и жизненного пути ученого очень важны.

Видение мира глазами другого — первый шаг в нахождении общего языка с большим Универсумом. Насколько сакральный смысл таит в себе встреча двух близких людей, можно видеть в письмах В. И. Вернадского своей жене Н. Е. Вернадской (Старицкой). «Два человека боролись во мне. Один говорил, что я должен это бросить все (т. е. женитьбу — Г. С.), если хочу познать истину, если хочу сделать что-нибудь, хочу пережить возможно больше; другой говорил, что я не смогу познать истину, не испытав этого чувства, что странно и смешно и нехорошо жить одним умом и ему все приносить в жертву...» [Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской, 1988: 28]. Восприятие мира мужчиной значительно отличается от его восприятия женщиной, в еще большей степени это отличие проявляется на «тонких» энергетических уровнях. Полнота восприятия мира во многом зависит от «соединенности разделенностей». К перечню браков, совершающихся на небесах, в сферах тонких духовных, душевных и телесных резонансов можно отнести и чету Вернадских⁹. Формирование такой «монады» — т. е. «единого человеческого целого» — связано с определенными условиями, которые носят глубоко укорененный социокультурный характер. «Между тем, — пишет В. И. Вернадский, — мне представляется семья могущей существовать и иметь значение только тогда, когда нет такого главенства ни с чьей стороны, когда лица, образовавшие семью, не расходятся в своих главных целях и идеях; в такой семье, где существует дружба и полнейшая искренность с обеих сторон, где мужчина и женщина могут вместе работать на пользу общего, где дается возможность полному развитию всех сил и способностей, различных несколько для разных полов» [там же, с. 17].

Пятитомник писем Вернадского к жене приоткрывает строй жизни семьи Вернадских, он дает возможность увидеть, как умножается культурная биогеохимическая энергия человека, усиливается его пассионарность в зависимости от созвучия, камертональности «со-бытия» двух духовно-телесных субстанций. «Мне *важно и дорого* с тобой делиться» — так заканчивает В. И. Вернадский одно из писем 1891 года к Н. Е. Вернадской. В этой фразе, пожалуй, сказано более, чем достаточно для понимания культуры «сродства душ». Великие культурные открытия В. И. Вернадского есть лишь следствие (функция) культурных форм Рода, Братства, Семьи, Родины (государственности) и Планеты (планетарности). Размышления над письмами В. И. Вернадского могли бы занять многие страницы, но лучше, если каждый сделает эти выводы за чтением писем, ибо для постижения бытия и сознания нет ничего более значительного, чем чтение писем и воспоминаний.

Социокультурный смысл любви человека таится очень глубоко и выражает в сильной степени отношение человека к миру. «Представляется мне, — пишет В. И. Вернадский, — время иное, время будущее. Поймет человек, что не может полюбить человечество, не любя отдельных лиц, поймет, что не любовью будет его созвучие к человечеству, а чем-то холодным, чем-то деланным, постоянно подверженным сомнениям и отчаянию, что много будет гордости, много будет узости, прямолинейности — невольного зла — в его поступках, раз он не полюбит, раз не забудет самого себя, все свои помыслы, все свои мечты и желания в одном великом чувстве любви» [Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернад-

⁹ Н. Е. Старицкая принадлежит к роду князей Старицких — старинной ветви князей московских, идущей от самого младшего сына Ивана III.

ской, 1988: 21—22]. Ноосферная полнота бытия не существует вне многовековых родовых (поколенческих) и вековых семейных миров.

7. «Отречение от собственности». Отношение человека к собственности — самая тяжелая для него проблема, прежде всего потому, что человек при некоторых условиях может все променять на собственность, но может и полностью отказаться от нее, вплоть до отказа от собственности на саму жизнь. Из отношения к собственности впоследствии вырастают экологические, экономические, политические, моральные и религиозные идеи и убеждения. Человека можно лишить собственности, как это предполагалось в жестких и мягких концепциях коммунизма, но, в конечном счете, за ним (человеком) должно быть право выбора отношения к собственности на моральном уровне. Когда Чехов призывал выдавливать из себя по капле раба, то фактически оборотной стороной медали являлось именно отношение к собственности¹⁰.

С проблемой собственности В. И. Вернадский столкнулся в 1886 году. «Отец оставил Владимиру Ивановичу 500 десятин земли на границе Тамбовской и Пензенской губерний, Вернадский не собирался стать помещиком и думал о том, что эту землю, на которой даже и дома-то не было, он продаст, а на вырученные деньги поедет с Андреем Красновым в кругосветное путешествие, побывает в тропиках. Судьба распорядилась иначе. В Тамбове к нему обратились представители строящейся Сызрано-Вятской железной дороги с просьбой выделить часть земли постройку узловой железнодорожной станции. Вернадский выделил землю не только для строительства и почты рядом с ней, но и потом в память о брате Николае построил для ребят соседнего села Подъем школу, а оставшиеся деньги положил в банк на выплату жалованья учителям школы. Средств хватило на долгие годы» [В. И. Вернадский. Альбом, 1988: 54].

8. «Мировое странничество». Мировое странничество — это путешествие по России и по всему миру. Путешествие, когда оно не развлечение, а труд, — приобретает особое значение по деланию личности. Общение с Великой Природой Матерью воспитывает человека (воспитывает в прямом смысле, т. е. питает всеми живительными соками вещественного, энергетического и информационного характера). Тем самым человек вбирает в себя Мир как Универсум — человек делается природой (в смысле творится ею). «Обыдеаливание», «субъективирование» мира — процесс, лежащий в основе самых сакральных моментов сотворенного мира. Актуальное бытие человека во Вселенной предстает универсумным (т. е. «полным всеобщим») в точном философском значении этого слова) бытием.

Павел Филонов (1883—1941) — один из выдающихся представителей русского авангарда в послереволюционную эпоху, в эпоху рождения учения о биосфере и ноосфере, создал цикл работ, получивших общее название «Мировый расцвет». Это название, на наш взгляд, есть адекватное художественное название тому, что представлено В. И. Вернадским как учение о биосфере и ноосфере. Русское слово «мир», как известно, имеет два смысла, два значения, которые одновременно фиксируются фразеологической единицей «мир во всем мире», но есть еще одно, третье, значение понятия «мир», вбирающее в себя универсум-

¹⁰ Парадокс в том, что самыми эгоистическими собственниками оказываются именно те, кто не добровольно или по принуждению от нее отказался, а тот, кто долгое время тайне мечтал о получении общего в свою личную собственность.

ный смысл. Мировое странничество обозначает не только «круиз вокруг света», не просто кругосветное путешествие — это странничество по мирам Универсума, которое скрывается за путешествием по жизни.

Геологи и археологи — самые путешествующие люди. В. И. Вернадский-минеролог и путешественник по призванию — путешественник по мировым и духовным просторам, в этом его профессиональное призвание — призвание мыслителя, т. е. человека, вбирающего в себя бесконечно разнообразные феномены универсальной — идеально-материальной и телесно-духовной природы. Его геологические и минералогические экскурсии начались с окраин Санкт-Петербурга и распространились на всю страну и на весь мир. Карта его путешествий — сплошные пересечения линий: Россия, Германия, Голландия, Франция, Англия, Соединенные Штаты. В путешествиях формируется голографичность мышления — естественная совмещенность различных парадигм, философов, религиом, сосуществование в сознании человека многообразных картин мира, за которыми стоят самые глубинные тайны мира. Одним из самых значительных в мировой традиции образов универсумного бытия человека является ньютоновское видение себя играющим камушками на берегу раскинувшегося бесконечно океана. Однако океан Вернадского был не столь безжизненен, как океан Ньютона, океан Вернадского — океан всюдной всеобщей бесконечной всепроникающей жизни на Земле и жизни Вселенной. Творчество В. И. Вернадского позволяет сделать вывод о том, что в действительной жизни человека происходит расширение пространства мысли за счет расширения бытования в реальном пространстве. Не случайно С. И. Гессен, рассматривая педагогику как прикладную философию, называет образование путешествием, «странничеством» [Гессен, 1995].

Мышление и сознание В. И. Вернадского (то, что в научной литературе называют «научным русским космизмом») сформировано огромным опытом «универсумного (биосферно-ноосферного) странничества», хождением разными путями и нехоженными тропами.

9. Труды и дни: от живого вещества к биосфере. Создание В. И. Вернадским учения о биосфере — ярчайший пример синтетической деятельности мыслителя, которая в конечном итоге привела к биосферно-ноосферному видению мира. Начало биосферного «научного взрыва» связано со временем, когда Вернадский уезжает из революционного Петрограда, боясь ареста. «Выезд в Москву, затем в Шишаки и Полтаву» [Аксенов, 2014: 13]. Живя в Полтаве, В. И. Вернадский пишет в дневнике: «Все эти дни работаю над живым веществом...», «Всего как-то захватила работа над живым веществом...», «Тема все разрастается» [В. И. Вернадский. Альбом, 1988: 126]. Понимание проблемы «живого вещества», положенного в основу учения о биосфере, пришло в 1919 году во время работы на Старосельской биологической станции.

«В конце 1919 года он (В. И. Вернадский — Г. С.) написал в дневнике: «Сейчас я как-то ясно чувствую, что то, что я делаю своей геохимией и живым веществом, есть ценное и большое. И готов прямо утверждать, уверен, что если не оценят современники, то оценит потомство»... Три месяца спустя он вновь отмечает: «Я ясно стал осознавать, что мне суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе, которое я создал, и что это есть мое призвание... Сейчас я сознаю, что это учение может оказать такое же влияние, как книга Дарвина...» [Баландин, 1979: 86].

Книга о биосфере создавалась В. И. Вернадским во время научной командировки в Париже (1922—1926), а опубликована была в Ленинграде в 1926 году: тем самым ученый оставил за бывшим (и настоящим) Санкт-Петербургом право считаться родиной учения о биосфере. Создание учения о биосфере не только научный, но и гражданский, социокультурный подвиг В. И. Вернадского.

Ученый скрупулезно анализирует творчество всех своих предшественников, изучавших живой мир природы, шедших в направлении понимания функционирования и развития биосферы — сферы жизни на планете. Он тщательно отбирает и много раз проверяет факты, ищет в книгах мысли, дающие возможность как можно полнее охватить реальность, построить эмпирическое обобщение. Бережное отношение к личному вкладу в копилку культуры — характерная черта мыслителя, которая не столько, на наш взгляд, связана с кропотливостью и ответственностью ученого, сколько с ощущением соединенности и неразрывности собственно гносеологического и онтологического, т. е. представления социокультурного процесса как форм личностного участия и соборного (коллективного) движения Единой мысли (функционирования культурной биогеохимической энергии).

Учение о биосфере — это итог развития российской науки (всей культуры в целом) на протяжении не только двух последних столетий, но и всего тысячелетнего ее развития. В биографической литературе эта проблема представлена самым лучшим образом, биографы отобрали значительный материал об истории создания учения о биосфере, в свою очередь ученые обогатили и конкретизировали многие стороны учения о биосфере, а философы показали взаимосвязь учения о биосфере и учения о ноосфере (в формулировке «учение о переходе биосферы в ноосферу»).

10. «Страсти по свободе, человечности и разумности». Факт, что идеи биосферы и ноосферы вызревали у В. И. Вернадского в условиях Великой российской социальной революции, требует серьезного размышления. Революционные события вызвали у В. И. Вернадского усиление того чувства общественно-политической ответственности, которое у него было всегда, ибо сформировалось под воздействием отца — Ивана Васильевича и событий студенческой жизни.

Водоворот событий, гигантский социальный смерч, обрушившийся на страну в начале века, многое разрушил и уничтожил, но некоторые человеческие песчинки, попавшие во вселенскую круговорот, оказались не уничтоженными, а взлетевшими на самую небывалую высоту. Российская культура XIX века оказалась готовой многообразно реагировать на вызовы времени: большевистская модель оказалась лишь самой простой и понятной и потому реализовавшейся в некоторой своей части. Но модель, выстроенная корифеями российской науки — Д. И. Менделеевым, В. И. Вернадским и многими другими представителями элиты российской интеллигенции, — была более сложной. Они хотели строить новый мир не по простому проекту, их задачи требовали не только упорного труда, но «зумного делания». Российская элита мечтала не о строительстве «Вавилонской башни коммунизма», а об естественных формах человеческой разумности, опирающихся на объективные ценности научного знания и техники, которые делали Россию цивилизацией «мирового устойчивого существования» (В. И. Вернадский) и впоследствии могли стать всеобщечеловеческими. Теперь, оглядываясь назад, можно воочию увидеть гигантские проекты

Великой России, которые были замыслены великими умами политиков и ученых. Ноосферная модель построения новой России — нечто бесконечно большее, нежели коммунистические схемы, пленявшие своей простотой — конструктивизмом не только архитектурным, но и социальным.

Сложность никогда не прельщает, наоборот, она редуцируется, а иногда и упрощается до такой степени, что исходный образец не узнается. Та модель, которую строили поколения интеллигенции XIX века, оказалась в условиях социально-политических и всемирно-исторических катаклизмов начала XX века неизмеримо упрощенной по сравнению с тем, что можно было бы назвать ноосферной моделью развития России. Социальная модель переустройства России редуцировалась к схеме коммунистической формации, а в конечном итоге обернулась конкретно-историческим сталинским тоталитарным феодализмом. Нестабильность социально-экономической конструкции в условиях приближения новой мировой войны обернулась сползанием к некоей усовершенствованной форме «социалистического крепостного права» для ускорения индустриального развития страны.

Ноосферная модель устройства России опиралась на цели и ценности более общего порядка — ценности свободы, альтруизма, истины и сомнения. Этим ценностям В. И. Вернадский оставался верен и в условиях тоталитарного режима. При всех стремлениях к научным исканиям В. И. Вернадским овладевало стремление размышлять о судьбах России и практически делать все, что от него зависело, чтобы страна стала сильнее, обрела свое великое будущее.

11. «Свидание с будущим». Один из самых катарсических сюжетов в жизни В. И. Вернадского связан с тяжелой болезнью ученого, который заразился тифом во время поездки на переполненном пароходе в Крым. «Три недели Вернадский находился в пограничном состоянии между жизнью и смертью. [Аксенов, 2001: 243]. Позднее (9 марта 1920) в дневнике ученый напишет: «Мне хочется записать странное состояние, пережитое мной во время болезни. В мечтах и фантазиях, в мыслях и образах мне интенсивно пришлось коснуться многих глубочайших вопросов жизни и пережить как бы картину моей будущей жизни и смерти. Это был не вещий сон, так как я не спал — не терял сознания окружающего. Это было интенсивное переживание мыслью и духом чего-то чуждого окружающему, далекого от происходящего. Это было до такой степени интенсивно и ярко, что я совершенно не помню своей болезни и выношу из своего лежания красивые образы и создания моей мысли, счастливые переживания научного вдохновения» [там же].

«За время болезни в его мозгу промелькнуло все содержание науки о живом веществе. В результате его усилий будто бы был построен большой международный Институт живого вещества на берегу Атлантического океана в Америке» [Аксенов 1994: 30]. Биограф В. И. Вернадского так передает главный смысл этого сакрального события: «Тридцать лет последующей его жизни уместились виртуально в три недели. Но самое главное, что множество решений и будущих открытий были найдены. И их теперь в обычном темпе жизни следует доставать из подсознания и излагать в той скорости и в том оформлении, в которых они будут понятны другим» [Аксенов, 2014: 31].

Врач, лечивший В. И. Вернадского, заразившись тифом, умер, но его самоотверженность спасла для человечества образ нового научного мировоззрения, открытого ученым.

12. «Поиски вселенских смыслов сознания». К рубежным моментам восхождения к ноосферному видению мира относится лекция «О роли человечества, его сознания и воли для жизни природы», которую В. И. Вернадский прочитал 18 октября 1920 года в Симферополе на кооперативных курсах по изучению естественных производительных сил Крыма (см.: [Прометей, 1988: 67]). Любой человек, поставленный в условия постоянного выбора, являет собой пример «культурности-вовне», т. е. действительной культурности, культуры без налета собственной оценки — культуры деятельности посредством слова и поступка. Поведение человека в зоне абсолютной непредсказуемости — важный критерий демонстрации истинной культурности.

Первая мировая война, Великая социальная революция в России, эпоха социалистического строительства — это важные испытания на формы культурной рефлексии. Роковые годы чаще всего ведут к двум крайним формам реагирования — абсолютным отрицанием и абсолютным (безоговорочным) признанием. В. И. Вернадский может рассматриваться как человек, постоянно преодолевающий крайности. Основанием для такого рода толерантности служили объективные, высшие ценности, которыми руководствовался ученый и мыслитель в своей деятельности. К оценке событий (будь то значимые исторические факты или мировые социальные процессы) он подходит именно как естествоиспытатель, натуралист и в этом его существенное достоинство.

13. «Российский выбор». Самой сакральной стороной жизни Вернадского стала его российскость. В. И. Вернадский на протяжении всей своей жизни делал сознательный выбор ради России и в пользу России. Его культурные российские корни оказались столь сильными, что ни мировые, ни революционные, ни гражданские бури не смогли оторвать его от российской почвы, даже советская жизнь воспринималась им как продолжение жизни российской — качество уникальное на фоне ностальгической оторванности культуры Русского Зарубежья.

Обратимся лишь к двум самым главным точкам жизненного пути ученого. Первый случай связан с отказом уехать в Англию по приглашению английского правительства из охваченного гражданской войной Крыма. Причиной такого отказа стала просьба профессоров и преподавателей Таврического университета занять должность ректора в один из самых трудных моментов жизни Таврического университета [Аксенов, 2001: 263—264]. В. И. Вернадский сделал этот выбор с твердостью человека, сознающего свое предназначение продолжать свою научную работу в России. Второй эпизод связан с затянувшейся командировкой во Францию в 1922—1926 годах, после которой, несмотря ни на какие опасности, Вернадский возвращается в Россию [Аксенов, 2014: 14], которая имела советское коммунистическо-социалистическое лицо, столь пугавшее русскую эмиграцию.

Интеллигенция получила совсем не то, что хотела и на что рассчитывала, сопоставление своих интересов и интересов страны оказалось трудным и самоотверженным делом, сопряженным с риском. Возвращаясь в страну, где царили «коммунистические порядки», ученый признал, что есть возможность работать для того и ради того, чему была посвящена вся его предшествующая жизнь.

В. И. Вернадский был свидетелем того глобального эксперимента, который проводили большевики в России. Может быть, он в известной степени поместил себя в тот геологический процесс, который протекал в России и всей Европе того времени. Хотя ученый был отчетливым противником выбранного

коммунистического курса, но тем не менее изучение чреды событий много дало ему для осмысления его единственной самодовлеющей идеи — идеи научного развития страны. Интуиция Вернадского потребовала остаться в России, ибо «ноосферная идеология» вынашивалась российской культурой и пафос социалистического строительства мог быть «симпатичен» Вернадскому несмотря ни на какие издержки «исторической эпохи».

Думается, что помимо прочих причин Вернадский приехал в Россию наблюдать рождение ноосферы, и до последнего момента подобная надежда не покидала его.

14. «Учение о переходе биосферы в ноосферу». Следующий значительный шаг в направлении осмысления ноосферы будет сделан уже после того, как Вернадский опубликует книгу «Биосфера» (1926), этот шаг будет связан с рукописями книги «Научная мысль как планетное явление» (1936—1938), в полном объеме опубликованной лишь в 1991 году [Вернадский, 1991]. В. И. Вернадский сделает в ней важнейший вывод о том, что в системе человеческого сознания научная мысль начинает играть геологическую роль, таким образом обеспечивая переход биосферы в ноосферу. В 75 лет ученый фактически достраивает до мировоззренческой полноты представления о космопланетарном мире, получившие в ноосферологии название «учение о переходе биосферы в ноосферу».

15. Написание «Книги жизни» и «Откровение ноосферы». Не каждому ученому суждено написать «книгу жизни» [Вернадский, 1987], ибо это итог не только научной деятельности, но и всей жизни. И если мыслитель пишет такую книгу, то в ней сосредоточено главное, что он завещал будущему. Вернадский пишет свою книгу жизни в военном 1942 году, собирая в нее самое значимое для него из опубликованного и неопубликованного, находясь в эвакуации в далеком казахстанском уголке — санатории «Боровое». Это дает возможность посмотреть на мир со стороны, увидеть издали, взглянуть на будущее через прошлое. Вернадский пишет для будущего из «везде-вечности» своего универсума. Плод академического ума — так можно было бы назвать «книгу жизни», но это и труд мыслителя, который в течение всей жизни взвешивал на чашах весов значимость научного и философского, художественного и религиозного.

Сомнения и искания в «книге жизни» обрели характер личностной истины и социального опыта. Это не «книга итогов жизни», а «книга продолжения жизни». В ней В. И. Вернадский, размышляя о процессах образования ноосферы и цефализации, иногда оговаривается «я вернусь к этому ниже» [Вернадский, 1987: 252], но эта заключительная глава не была написана. Очевидно, по этой причине ученый пишет в 1943 году статью «Несколько слов о ноосфере», которая фактически и завершает фундаментальный труд¹¹. Эта статья была прижизненно опубликована — 10 октября 1944 г. в журнале «Успехи современной биологии» [Аксенов, 2014: 16], поэтому может рассматриваться как своеобразное «ноосферное завещание» отечественного мыслителя.

Современная культура медленно дорастает до ноосферных представлений. Когда речь идет об откровении, приходит ассоциация с видениями Иоанна Богослова на о. Патмос. Вернадский, так же как и Иоанн, наблюдал, но уже не в форме столкновения небесных громад, а в действительности планетарную

¹¹ В издании 1987 года глава XXI «Несколько слов о ноосфере (вместо ненаписанной автором главы)» помещена под рубрикой «Дополнение» [Вернадский, 1987: 338].

схватку ноосферных (разумных) и антиноосферных (неуниверсумных) сил исторического процесса. Апостольская ссылка Вернадского в Советскую Россию может быть оправдана лишь тем, что в сознании, в существовании великого мыслителя тем самым совершалась архитектурная («геолого-онтологическая») работа Духа по осмыслению действительно текущего планетарно-космического процесса, которому волею судеб стал российский мыслитель. Откровение ноосферы — это то, ради чего Вернадский не погиб в водоворотах европейского и шире — мирового революционно-критического процесса. В констатации этого факта нет фатализма, но есть утверждение закономерного процесса развития культуры, самопорождения культурной биогеохимической энергии.

Одним из самых интересных философских вопросов ноосферологии является путь прихода идеи ноосферы в российскую культуру. К идеям В. И. Вернадского о ноосфере подчас многие ученые относятся как к неким идеализациям, утопиям, фантазиям. Такая ситуация связана прежде всего с тем, что практически не изучен процесс культурологического и историко-философского формирования как ноосферной идеи, так и идеи ноосферы.

Первое возражение против «ноосферы» возникает как следствие нарушения формально логического закона непротиворечия: «ноосфера как сфера разума в принципе не может быть неразумной». Поскольку современное состояние цивилизации не только неразумно, но и просто безумно, то ноосферы как данности не существует вообще, а Вернадский предстает человеком, слишком рационалистически подошедшим к анализу существующей действительности и потому не заслуживающим доверия.

С точки зрения формальной логики в подобном рассуждении имеет место подмена тезиса. Дело в том, что понятие «ноосфера» в вышеприведенном рассуждении используется в онтологическом и гносеологическом смысле, которые нельзя смешивать, но которые действительно дополняют друг друга и как бы не существуют друг без друга. Более того, само рассуждение нагружается ценностным, а значит, и оценочным содержанием.

«Ноосфера» Вернадского предстает как эмпирическое обобщение, она вытекает из многотысячелетнего развития корневой этнокультуры нынешней центральной части России и одновременно из более чем двухтысячелетнего развития науки и научной мысли в Европе и мире. Этим фиксируется факт наличия ноосферы как того состояния бытия, в котором важнейшим фактором самоорганизации является сознание человека и, в частности, научная мысль.

До понимания ноосферы Вернадского современное сциентистское и обыденное общественное сознание должно еще дорасти, это означает, что собственно ноосферный контекст станет понятным лишь в условиях предельно высокой культурности в социуме как едином целом. Задача на настоящий день заключается не в упрощении для понимания (хотя это может считаться своеобразным законом для обыденного или массового сознания), а в его максимально точном философско-культурологическом выражении, которое только и способствует выходу на праксиологический уровень, фактически на уровень миропостроения. «Приживание» ноосферных представлений в том или ином обществе может служить хорошим показателем его культурности. «Ноосферные откровения В. И. Вернадского» (как, впрочем, и П. Тейяра де Шардена) современной цивилизацией еще до конца не поняты, ибо по своим масштабам истинной культурности цивилизация конца XX — начала XXI в. лишь только подбирается к

формам высшей культурности элитных слоев интеллигенции конца XIX — начала XX века.

В чем же в первом приближении суть ноосферного видения мира? *Во-первых*, это признание роли научной мысли, сознания в целом в многообразно протекающих социоприродных процессах. *Во-вторых*, утверждение естественноисторического характера цефализации и сапиентации, т. е. превращения живого вещества планеты в ощущающее и затем в чувствующее и мыслящее (разумное) вещество. *В-третьих*, понимание каждым человеком своей абсолютной неразрывности с Внешним (Открытым) миром, т. е. признанием внешнего мира фактически внутренним. *В-четвертых*, констатация «прогрессивного» (используем это слово больше как дань традиции) поступательного движения, освоения человеком окружающего мира, все большего усложнения социальных, технических, культурных форм отображения и преобразования мира.

Перечень этих существенных моментов может быть продолжен и далее, ибо неисчерпаема глубина смыслов, которые полифонично звучат в последней работе восьмидесятилетнего мудреца-мыслителя. Речь идет об «откровении Вернадского»¹² — о статье «Несколько слов о ноосфере», которая может быть рассмотрена как завещание российского мыслителя, мудрое проявление его животворящей воли и «разумного оптимизма». Это одно из тех научных произведений мировой культуры, с которыми должен ознакомиться каждый университетский студент. С этой работы по сути дела и начинается российский ноосферный университет, образ которого хорошо просматривается в трудах В. И. Вернадского.

16. «Земная слава». Образ В. И. Вернадского прошел проверку временем и через время возвратился во всей его масштабности и устремленности к высоким идеалам и всеобщечеловеческим ценностям. В. И. Вернадский говорил: «Царство моих идей впереди». Приходит время, когда их понимают, когда общество дорастает до той высоты обобщений, которая позволяет человечеству воспринимать себя не как «человейник», а как цивилизованное, культурное и, наконец, ноосферное человечество.

Вхождение наследия В. И. Вернадского в советскую и российскую действительность шло постепенно, может быть, даже медленно, но любое общество должно дорасти до понимания сложных сущностей и смыслов своего бытия. В стране Советов было высоко оценено научное и социальное творчество ученого, в Москве именем Вернадского названы проспект, станция метро. С 1990-х годов начинается новый этап понимания идей В. И. Вернадского.

С 1990 года существует Российская академия естественных наук (РАЕН) имени В. И. Вернадского, которая создает условия для мирового признания достижений отечественного ученого [Кузнецов, Воловик, 2023]. В это же время идеи В. И. Вернадского оказались в центре внимания академика Н. Н. Моисеева, человека, который дал сильнейший толчок развитию ноосферологии и ноосферному

¹² Известный писатель Р. А. Штильмарк, как вспоминал профессор В. М. Черкасский, называл В. И. Вернадского «первым богословом XX века»: по этой причине можно было бы в культурологическом смысле говорить о «евангелии от Вернадского». «Благая весть о ноосфере» — научное выражение самых сложных религиозных переживаний человечества.

образованию, организовав один из первых «ноосферных» российских университетов (МНЭПУ).

На основе философско-методологических идей В. И. Вернадского с 1996 года начиналось формирование национальной стратегии устойчивого развития.

В 1997 году создан Неправительственный экологический фонд им. В. И. Вернадского, сделавший много для пропаганды наследия великого ученого и открывший для российской молодежи перспективы экологического и ноосферного образования. При содействии «Газпрома» восстановлена усадьба В. И. Вернадского в тамбовской Вернадовке. К юбилейным датам поставлены памятники ученому в городах, связанных с его жизнью и деятельностью.

Впервые лидер нашей страны на форуме в Брунее (15 ноября 2000 года) озвучил значимость идей Вернадского: «Наш соотечественник Владимир Вернадский еще в начале XX века создал учение об объединяющем Человечество пространстве ноосфере. В нем сочетаются интересы стран и народов, природа и общество, научное знание и государственная политика. Именно на фундаменте этого учения фактически строится сегодня концепция устойчивого развития»¹³.

В 2001 году усилиями ученых и депутатов Госдумы РФ создан труд «Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации», который строился, в том числе, и на биосферно-ноосферной методологии. В 2013 году завершено издание 24-томного Собрания сочинений В. И. Вернадского [Галимов, 2013], вобравшее в себя наследие ученого и отразившее обширный архив В. И. Вернадского, находящийся в РАН.

В течение десяти лет МГУ осуществляет работы по созданию консорциума вузов «Вернадский», который развивает научные исследования в разных регионах России. На высоком уровне приходит понимание тех идей, которые сформулировал В. И. Вернадский. Научным коллективом под руководством акад. В. А. Садовниченко сделан важный вывод о том, что «Россия, имеющая многовековой опыт успешного преодоления пределов развития в тяжелых природных и внешнеполитических условиях, может и должна принять самое активное участие в разработке проекта будущего глобального Мир-организма, основанного на примате принципов сотрудничества над принципами конкуренции. Этот мировой проект позволит осуществить идеи выдающихся российских ученых-гуманистов о формировании на новой стадии исторического развития принципиально нового интегративного ноосферного общества, путь к которому идет через партнерство цивилизаций» [Преодолевая..., 2023: 93].

Научная апробация научного и социального опыта великого мыслителя — один из краеугольных камней дальнейшего развития страны. Труд на благо России, терпение по претворению своих идей, научная самоотверженность, вера в российскую культуру — фундаментальные основания для того, чтобы имя Вернадского стало знакомым все большему количеству людей.

17. «Синклит России». Синклит России (термин Д. Л. Андреева) — это виртуальное сообщество носителей российской культуры и русского духа, которые своей подвижнической деятельностью сформировали архетипы этнонационального бытия. Смысл этого термина может быть передан с помощью формулы, используемой в синергетике, — «от хаоса к порядку».

¹³ URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/21117> (дата обращения: 17.03.2023).

Процессы самоорганизации в таком нестабильном и постоянно подверженном внешним воздействиям организме, как Россия, подчас носят ураганный характер, чреватый катастрофой. Но даже для столь сложного образования, которое в силу своей пограничности и несложности подвержено частым флуктуациям, имеется духовное состояние, конгениальное мировой сложности и цветению, — это и есть синклит России в онтологическом, а не только мифологическом смысле.

Синклит России проходит проверку не столько временем, сколько вездечностью. Тип старческого подвижничества — особый архетип, без которого синклит России не может быть проявлен в той же самой мере, в какой не существует без феномена молодого гения (будь то А. Пушкин, М. Лермонтов, С. Есенин, Н. Рубцов). В картине И. Глазунова «Вечная Россия» среди большого количества ее персонажей нет академика Вернадского, но в Синклите России он реально присутствует, ибо в том числе и его трудами Россия получила тот научный толчок, который обеспечил стране выживание и развитие. Идея ноосферы медленно пробивает себе дорогу: это всегда происходит, когда подготавливается смена мировоззренческих парадигм и реалии ноосферного развития видны не всем. Так смыкаются Синклит России и ноосферность российского бытия, говоря шире — ноосферного бытия человечества.

Заключение. Ноосферное видение мира. Большая и разнообразная жизнь В. И. Вернадского словно разделена на две части — одна протекала в царской России, другая — в Советской России. Когда началась революция, Вернадскому было 54 года, т. е. период, когда вроде бы пройдено все и достигнуто все, но оказалось, что нужно начинать все сначала в новой жизни. Вернадский в своем научном и социальном творчестве сумел связать историю России и СССР, показав, что их соединяет эпоха великой трансформации.

Чем больше знакомишься с жизнью и творчеством В. И. Вернадского, тем больше понимаешь, что его жизненный пример есть конкретно-историческая форма восхождения «человека-национального» к образу «человека-планетарного».

Самым сильным доводом в пользу этого тезиса является то, что до самого конца своей жизни ученый оставался истинным патриотом и по-настоящему ноосферным человеком. В. И. Вернадский жил в эпоху, готовящуюся бороться с «безродным космополитизмом», но все его творчество есть утверждение свободы человеческой личности, свободы научной мысли, свободы искания, свободы ноосферного творчества.

Самые могучие духовные конструкции рождаются в непереносимо тяжелых для людей условиях, в переломные эпохи. Последнее столетие второго тысячелетия — эпоха предчувствия, осмысления и преодоления колоссальных (глобальных) социальных, экономических, экологических катастроф.

Даже наше сегодняшнее историческое сознание под влиянием идеологических схем страдает разделенностью — «до» и «после». Жизнь В. И. Вернадского позволяет увидеть единство в период трансформации, жизнь в точке бифуркации, которая соединяет прошлое и будущее: переболеет страна (как это было с самим ученым в 1920 году) и станет другой, но сохранит то, что делало Россию Россией.

В. И. Вернадский — один из тех российских ученых, кому судьба благоволила, поэтому, несмотря на зависимость от труднейших обстоятельств, он

смог не только сделать много для науки и образования страны, но и как итог своей богатой научной жизни сформулировал основы нового мировоззрения — ноосферного видения мира.

Библиографический список / References

- Аксенов Г. П. Вернадский. М.: Соратник, 1994. 544 с.
(Aksenov G. P. *Vernadsky*, Moscow, 1994, 544 p. — In Russ.)
- Аксенов Г. П. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2001. 484 с.
(Aksenov G. P. *Vernadsky*, Moscow, 2001, 484 p. — In Russ.)
- Аксенов Г. П. Три биографии Владимира Вернадского. М.: Б. и, 2014. 164 с.
(Aksenov G. P. *Three biographies of Vladimir Vernadsky*, Moscow, 2014, 164 p. — In Russ.)
- Баландин Р. К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М.: Знание, 1979. 176 с.
(Balandin R. K. *Vernadsky: life, thought, immortality*, Moscow, 1979, 176 p. — In Russ.)
- Баландин Р. К. Поиски истины (Жизнь и творчество В. И. Вернадского). М.: Дет. лит, 1983. 302 с.
(Balandin R. K. *The search for truth (Life and work of V. I. Vernadsky)*, Moscow, 1983, 302 p. — In Russ.)
- Баландин Р. К. В. И. Вернадский: кн. для учащихся 9—10 кл. М.: Просвещение, 1987. 128 с.
(Balandin R. K. *V. I. Vernadsky: Book for 9—10 grades pupils*, Moscow, 1987, 128 p. — In Russ.)
- Баландин Р. К. Вернадский. Организм биосферы // Баландин Р. К. Русские мыслители. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. С. 396—405.
(Balandin R. K. *Vernadsky. The organism of the biosphere*, in Balandin R. K. *Russian thinkers*, Moscow, 2006, pp. 396—405. — In Russ.)
- Баландин Р. К. Вернадский. М.: Вече, 2013. 368 с.
(Balandin R. K. *Vernadsky*, Moscow, 2013, 368 p. — In Russ.)
- Бычков Ю. А. Житие Петра Барановского. М.: Сов. Россия, 1991. 176 с.
(Bychkov Yu. A. *Life of Peter Baranovsky*, Moscow, 1991, 176 p. — In Russ.)
- Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1886—1889. М.: Наука, 1988. 304 с.
(*Vernadsky V. I. Letters to N. E. Vernadskaya. 1886—1889*, Moscow, 1988, 304 p. — In Russ.)
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(*Vernadsky V. I. Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М.: Наука, 1987. 339 с.
(*Vernadsky V. I. Chemical structure of the Earth biosphere and its environment*, Moscow, 1987, 339 p. — In Russ.)
- В. И. Вернадский. Альбом. М.: 1988. 239 с.
(*V. I. Vernadsky. Album*, Moscow, 239 p. — In Russ.)
- Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г. П. Аксенов. М.: Современник, 1993. 688 с.

(Aksenov G. P. (ed.) *Vladimir Vernadsky: Biography. Selected works. Memoirs of contemporaries. Judgments of descendants*, Moscow, 1993, 688 p. — In Russ.)

Владимир Иванович Вернадский / сост. И. Г. Бебих, С. Н. Жидовинов, Г. И. Матьева, Ф. Т. Яншина; авт. вступ. ст. А. Л. Яншин, Ф. Т. Яншина. М.: Наука, 1992. 232 с.

(Bebikh I. G., Zhidovinov S. N., Mat'eva G. I., Yanshina F. T. (eds.) *Vladimir Ivanovich Vernadsky*, Moscow, 1992, 232 p. — In Russ.)

В. И. Вернадский: PRO ET CONTRA. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898—1998) / под общей ред. акад. А. Л. Яншина. СПб.: Русский Христианский гум. ин-т, 2000. 872 с.

(Yanshin A. L. (ed.) *V. I. Vernadsky: PRO ET CONTRA. Anthology of literature about V. I. Vernadsky for a hundred years (1898—1998)*, St. Petersburg, 2000, 872 c. — In Russ.)

Вернадский и современность. М.: Наука, 1986. 232 с.

(Nazarov A. G., Sokolov B. S., Yanshin A. L. (eds.) *Vernadsky and modernity*, Moscow, 1986, 232 p. — In Russ.)

Галимов Э. М. Об академике В. И. Вернадском (к 150-летию со дня рождения). М.: Наука, 2013. 230 с.

(Galimov E. M. *About academician V. I. Vernadsky (on the 150th anniversary of his birth)*, Moscow, 2013, 230 p. — In Russ.)

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.

(Gessen S. I. *Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy*, Moscow, 1995, 448 p. — In Russ.)

Гумилевский Л. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 1961. 319 с.

(Gumilevsky L. *Vernadsky*, Moscow, 1961, 319 p. — In Russ.)

Жизнеописания достопамятных людей земли Русской (X—XX вв.) / сост. С. С. Бычков. М.: Моск. рабочий, 1991. 334 с.

(Bychkov S. S. (ed.) *Biographies of memorable people of the Russian land (X—XX centuries)*, Moscow, 1991, 334 p. — In Russ.)

Корсунская В. М., Верзилин Н. М. В. И. Вернадский. М.: Просвещение, 1975. 127 с.

(Korsunskaya V. M., Verzilin N. M. *V. I. Vernadsky*, Moscow, 1975, 127 p. — In Russ.)

Корсунская В. М., Верзилин Н. М. В. И. Вернадский: научно-художественная книга / оформл. В. Цикоты. Л.: Дет. лит., 1982. 95 с.

(Korsunskaya V. M., Verzilin N. M. *V. I. Vernadsky: scientific and artistic book*, Leningrad, 1982, 95 p. — In Russ.)

Кузнецов О., Воловик А. Ломоносов XX века // Честь Отечества. 2023. № 3—4. С. 197-198.

(Kuznetsov O., Volovik A. Lomonosov of the twentieth century, *Honor of the Fatherland*, 2023, no. 3-4, pp. 197—198. — In Russ.)

Лапшин И. И. Мистическое познание и «вселенское чувство». СПб.: Императорская академия наук, 1905. 93 с.

(Lapshin I. I. *Mystical knowledge and "universal feeling"*, St. Petersburg, 1905, 93 p. — In Russ.)

Мочалов И. И. В. И. Вернадский — человек и мыслитель. М.: Наука, 1970. 176 с.

(Mochalov I. I. *V. I. Vernadsky — a man and a thinker*, Moscow, 1970, 176 p. — In Russ.)

Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М.: Наука, 1982. 488 с.
(Mochalov I. I. *Vladimir Ivanovich Vernadsky (1863—1945)*, Moscow, 1982, 488 p. — In Russ.)

Наумов Г. Б. Три синтеза космоса: Владимир Вернадский: история жизни и мысли. М.: ЛЕНАНД, 2016. 200 с.

(Naumov G. B. *Three syntheses of the cosmos: Vladimir Vernadsky: history of life and thought*, Moscow, 2016, 200 p. — In Russ.)

Памятники литературы Древней Руси: XVII век / вступ. статья Д. Лихачева; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1988. 704 с.

(Dmitriev L., Likhachev D. (eds.) *Monuments of literature of Ancient Rus': XVII century*, Moscow, 1988, 704 p. — In Russ.)

Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба: монография / под ред. В. А. Садовниченко. М.: Изд-во Московского университета, 2023. 99 с.

(Sadovnichy V. A. (ed.) *Breaking the limits of growth. The main provisions of the report for the Club of Rome*, Moscow, 2023, 99 p. — In Russ.)

Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 15 / сост. Г. Аксенов. М.: Молодая гвардия, 1988. 352 с., ил.

(Aksenov G. P. (ed.) *Prometheus: Historical and biographical almanac of the series "Life of Remarkable People"*, vol. 15, Moscow, 1988, 352 p. — In Russ.)

Соснина Т. Н. В. И. Вернадский — энциклопедист и пророк. Самара: Субтропический научный центр РАН, 2012. 148 с.

(Sosnina T. N. *V. I. Vernadsky — encyclopedist and prophet*, Samara, 2012, 148 p. — In Russ.)

Яковлев В. П. В. И. Вернадский. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. 80 с.

(Yakovlev V. P. *V. I. Vernadsky*, Moscow, 2005, 80 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Smirnov Grigory Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophical), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovgs@ivanovo.ac.ru